

Научная статья

УДК 343.85

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-133-140>

EDN: <https://elibrary.ru/qfhmfc>

НИОН: 2003-0059-4/24-106
MOSURED: 77/27-003-2024-04-305

Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан

Владимир Александрович Семенцов¹, Исфандиер Ахмад Одиназода^{1,2}

¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, crimpro@yandex.ru

² Академия МВД Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан, diyor-13@mail.ru

Аннотация. Выявлены сопоставимые и схожие позиции законодателей и ученых двух государств (современной России и Республики Таджикистан) на понятие «результаты оперативно-розыскной деятельности» и его содержание. Сделан акцент на особенностях закрепления таких результатов в уголовно-процессуальном законодательстве. Определены проблемы понятийного аппарата, критически рассмотрены основные подходы к результатам оперативно-розыскной деятельности, обозначенные в специальной юридической литературе.

Ключевые слова: закон, уголовный процесс, доктрина, результаты оперативно-розыскной деятельности, ведомственные акты, сведения

Для цитирования: Семенцов В. А., Одиназода И. А. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 133–140. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-133-140>. EDN: QFHMFC.

Original article

Results of operational-search activities in criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan

Vladimir A. Sementsov¹, Isfandiyor A. Odinazoda^{1,2}

¹ Kuban State University, Krasnodar, Russia, crimpro@yandex.ru

² Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan, diyor-13@mail.ru

Abstract. Comparable and similar positions of legislators and scientists of the two states (modern Russia and the Republic of Tajikistan) on the concept of «results of operational-search activity» and its content are revealed. The emphasis is made on the peculiarities of fixing such results in the criminal procedural legislation. The problems of the conceptual apparatus are defined, the main approaches to the results of operational-search activity identified in the specialized legal literature are critically reviewed.

Keywords: law, criminal procedure, doctrine, results of operational investigative activities, departmental acts, information

For citation: Sementsov V. A., Odinazoda I. A. Results of operational-search activities in criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):133–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-133-140>. EDN: QFHMFC.

Действующее законодательство об оперативно-розыскной деятельности, как и уголовно-процессуальный закон, постоянно корректируется, изменяется и дополняется. В литературе подчеркивается, что такое правотворчество, общая гармонизация процессуальных средств не всегда достигают своих целей, подчас провоцируя новые проблемы, создающие препоны оптимизации средств правообеспечения [10, с. 33]. В этом смысле актуальным представляется предмет настоящего исследования, который составляют результаты оперативно-розыскной деятельности по законодательству современной России и Республики Таджикистан.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [16] (далее — УПК РФ), Федеральном за-

коне «Об оперативно-розыскной деятельности» [18] (далее — закон об ОРД РФ), Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан [17] (далее — УПК РТ) и законе Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» [19] (далее — закон об ОРД РТ) правовую основу институтов как уголовного процесса, так и оперативно-розыскной деятельности образуют схожие конституционные нормы. Они же признаны в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной доктринах.

Так, уголовно-процессуальная доктрина может определяться как система правовых норм о принципах, доказательствах и доказывании, а также основных институтах досудебного уголовного производства [3,

с. 60], либо в качестве охраны прав, свобод гражданина, человека в широком и узком смысле, который предусматривает формирование его содержания всеми правовыми социальными ценностями без учета формального статуса индивида в уголовном процессе [14, с. 4].

В свою очередь, оперативно-розыскная доктрина представляет собой принципы, стратегические цели, основные направления и задачи, содержание и правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности, а также ее соотношение с иными видами деятельности [15, с. 33].

В то же время, как отмечает М. Л. Родичев, следует учитывать, что «результаты ОРД могут быть использованы как для противодействия преступности, так и для исполнения иных общественно полезных мероприятий» [8, с. 162].

В качестве примера следует указать на использование результатов оперативно-розыскной деятельности органами, не указанными в законодательстве об ОРД. В частности, такие результаты применяются для реализации полномочий налоговых органов в соответствии с межведомственными подзаконными актами, либо полномочий Федеральной службы судебных приставов, не будучи отраженными в оперативно-розыском законодательстве как органов, уполномоченных получать эти результаты, равно как и осуществлять оперативно-розыскные мероприятия. Несмотря на это ведомственные акты Федеральной службой судебных приставов и даже федеральные законы «предписывают должностным лицам осуществлять те или иные оперативно-розыскные действия» [2, с. 171].

Строго придерживаясь буквы сопоставляемого законодательства об ОРД двух государств (Российской Федерации и Республики Таджикистан), целесообразно обратить внимание на то, что анализируемые в сравнении результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться исключительно для целей, указанных в законах об ОРД. Иное, даже формальное общественно полезное использование, законом не предусмотрено.

По данному поводу стоит отметить, что содержание целей оперативно-розыскной деятельности в российском и таджикском законодательстве аналогично, что подтверждается полным соответствием норм ст. 1 закона об ОРД РФ и ст. 1 закона об ОРД РТ об этих целях.

Содержание задач оперативно-розыскной деятельности в рассматриваемых законах имеет незначи-

тельные расхождения, связанные с информационной и имущественными их задачами.

Так, в ст. 2 закона об ОРД РФ информационная задача оперативно-розыскной деятельности заключается в добывания данных о поведении субъекта, формирующего угрозу пяти видам безопасности России. При этом имущественная задача оперативно-розыскной деятельности определяется в установлении имущества в рамках исполнения иска в составе приговора или другого судебного акта о взыскании, конфискации имущества.

В положениях ст. 3 закона об ОРД РТ информационные задачи оперативно-розыскной деятельности включают добывание данных, образующих угрозу человеческим, гражданским правам, шести видам безопасности Таджикистана. Имущественные задачи оперативно-розыскной деятельности обусловлены определением местонахождения и состава имущества, которое подлежит судебной конфискации.

Таким образом, можно констатировать различие содержания информационной задачи оперативно-розыскной деятельности в российском и таджикском законодательстве, что нашло отражение в расширении ее пределов действия в Таджикистане, включающие по закону об ОРД угрозу нарушения правам человека, гражданина, которые не действуют в России.

Вместе с этим, различия в содержании имущественной задачи оперативно-розыскной деятельности характеризуются следующими аспектами:

1) более детализированные российские нормы, позволяющие искать в рамках оперативно-розыскной деятельности имущество, обозначенное в различных судебных решениях, включающих приговор, либо определение по взысканию штрафа или имущества, решение по конфискации, в то время как нормы таджикского законодательства определяют поиск только имущества, обозначенного в решении суда о его конфискации;

2) намного шире пределы оперативно-розыскной деятельности в Таджикистане, регламентирующие обязанность компетентных субъектов определять местонахождение и состав конфискуемого имущества, поскольку в России предусмотрена обязанность таких субъектов установить в целом имущество.

В соответствии с п. 29–30 Порядка организации прохождения службы [20] кандидаты на должности в органах внутренних дел ОВД, а также их родные и близкие проходят специальные проверки, в том числе

и оперативные, несмотря на то, что соответствующий закон этого не содержит. Проверочная деятельность важна, но не направлена на цели, указанные в УПК РФ и законодательстве об ОРД. Эта проблемы уже становились предметом анализа, в том числе с акцентом на интересах служебной необходимости (нередко может быть связана с ложно понятым профессиональным долгом), на что обосновано обращалось внимание в литературе [11, с. 173].

Противоречивые научные суждения о содержании термина «результаты ОРД» [2, с. 71–72; 12, с. 270–275] показывают дискуссионность вопроса. Обратим здесь внимание на явную неопределенность, которая проявляется в трудности агрегировать широкую совокупность задач оперативно-розыскной деятельности, а также особенности (в том числе и негласных) методов и средств, с рассматриваемым обобщающим понятием [13, с. 270]. Не случайно в российском законе закреплено, а в литературе используется множественное число — «результаты» (а не «результат»), которых всегда должно быть неопределенное множество.

Из содержания п. 36.1 ст. 5 УПК РФ следует, что результаты оперативно-розыскной деятельности — это сведения, полученные уполномоченными лицами (органами), которые руководствовались законодательством об ОРД. Примечательно, что, в отличие от российского закона, в УПК Республики Таджикистан рассматриваемое нами понятие — «результаты оперативно-розыскной деятельности», никак не пояснено, хотя предписания ст. 84 УПК РТ позволяют признавать результат оперативно-розыскной деятельности, при соблюдении требований УПК РТ. В положениях закона об ОРД РТ дефиниция «результат оперативно-розыскной деятельности» также не предусмотрена, что отражает неопределенность практического применения такого результата.

Думается, что указанная неопределенность может быть устранена путем внесения в ст. 6 УПК РТ дефиниции «результат оперативно-розыскной деятельности» по аналогии с УПК РФ.

В этой связи следует добавить, что основы применения результатов оперативно-розыскной деятельности в сфере уголовного процесса обозначены в ст. 89 УПК РФ и ст. 84 УПК РТ. Схожесть этих статей определяется общим правилом соблюдения уголовно-процессуальных требований в рамках применения этих результатов.

Различия указанных норм характеризуются детализацией предмета регулирования. В положениях ст. 89 УПК РФ предусмотрен понятный запрет на применение результатов оперативно-розыскной деятельности в процедуре доказывания, если такие результаты не соответствуют требованиям УПК РФ, предъявляемым к доказательствам. Для нас это означает, что «если материалы оперативно-розыскной деятельности получены и проверены процессуальным путем, то они могут быть использованы в уголовно-процессуальном доказывании, а их место в универсальной системе доказательств определяется как вещественного доказательства или иного документа, с учетом присущих признаков» [10, с. 122].

Положения ст. 84 УПК РТ определяют возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности, которые непосредственно не связаны с требованиями УПК РТ о доказательствах, что отражает неопределенность в применении результатов ОРД в качестве доказательств. Поэтому вывод об использовании в таджикском судопроизводстве результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств косвенно подтверждается включением ст. 84 УПК РТ в состав главы 9 УПК РТ о доказательствах.

Для устранения указанной неопределенности целесообразно исключить из ст. 84 УПК РТ слова «получены с соблюдением требований, могут быть признаны», заменив их словами «если они отвечают требованиям» и далее по тексту.

Следовательно, можно отметить, что правовые основы применения результатов оперативно-розыскной деятельности в сфере уголовного судопроизводства России и Таджикистана в целом схожи, но отличаются некоторой неопределенностью реализации ст. 84 УПК РТ.

В специальной литературе российская правовая конструкция «результатов оперативно-розыскной деятельности» критикуется за неконкретность, за отсутствие специфики, «невозможность отличить от результата осуществления других видов правовой деятельности... в борьбе с преступностью» [1, с. 182]. Кроме того, из анализируемого определения следует, что это лишь совокупность данных, информация, тогда как понятие «результат» предполагает, что она должна быть не просто получена в соответствии с законом, а проверена на релевантность, систематизирована, интерпретирована, признана относящейся к

делу и пригодной для использования. В теории информации именно это признается результатом, а не механическая совокупность данных.

В целях проверки и оценки анализируемых результатов, уполномоченные органы, согласно ст. 10 закона об ОРД РФ и ч. 1 ст. 11 закона об ОРД РТ, имеют полномочие, но не обязаны заводить соответствующие оперативные дела. Из содержания законов по анализируемому аспекту следует, что такие дела могут и не заводиться, что ставит вопрос о контрольных критериях интерпретации, проверки, оценки результатов оперативно-розыскной деятельности. Полагаем, что формализация результатов оперативно-розыскной деятельности предопределяет обязательное заведение дел оперативного учета, где они будут фиксироваться.

В то же время, как бы эти результаты ни были оценены и интерпретированы, это автоматически не трансформирует их в статус доказательств. Это положение подтверждено Конституционным судом РФ, который пояснил (хотя это и так следовало из закона), что результаты оперативно-розыскных мероприятий — это еще не доказательства. Даже будучи в положении «результатов», т. е. систематизированного итога деятельности, а не «сырой» первичной информации, они все равно остаются лишь данными об источниках фактов. Для получения статуса законного и применимого в деле доказательства, такая информация (даже в виде результата) проходит процедуры, предусмотренные УПК РФ [21]. В этой связи правовой статус «сведений об источниках фактов» по сути, представляет собой статус особой информации.

Согласно ст. 72 УПК РТ доказательства в уголовном деле — это факты (в значении — релевантная информация), на базе которых в порядке УПК РТ определяется общественно опасное деяние, а также вероятность его доказанности. В контексте настоящего исследования к доказательствам отнесены: скрытые записи, переговоры посредством проводных и цифровых каналов связи, видео- и аудиозаписи, а также наблюдения. После проверки и получения надлежащего процессуального оформления результаты оперативно-розыскной деятельности приобретают предусмотренный УПК РТ статус доказательств.

Из содержания норм ст. 11 закона об ОРД РФ следует, что результаты оперативно-розыскной деятельности — это первичные, исходные сведения, которые могут быть использованы для производства большинства процессуальных действий.

Согласно предписаниям ст. 143 УПК РФ и ст. 140 УПК РТ надлежаще проверенные результаты оперативно-розыскной деятельности могут становиться поводом (рапорт), равно как и обеспечить достаточность данных для возбуждения соответствующего уголовного дела. Данное суждение основано на положении ст. 11 закона об ОРД РФ, а также ч. 2 ст. 11 закона об ОРД РТ.

В этой связи стоит обратить внимание на то, что законодатель, допуская применение проверенных результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывания, не включает их непосредственно в предусмотренный ч. 2 ст. 74 УПК РФ перечень доказательств, а лишь косвенно это предполагает, поскольку проверенный результат оформляется соответствующим документом, который относится к доказательствам в порядке п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Однако применение результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании представляется важным, но не единственным направлением реализации сведений, полученных оперативным путем. Исключительным видом использования оперативной информации. Обращение к содержанию ст. 11 закона об ОРД РФ убеждает в наличии там еще трех процессуальных направлений использования указанных результатов: 1) для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; 2) для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда; 3) в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела [9].

Как в Таджикистане, так и в России рассматриваемые результаты представляются в уполномоченный на дальнейшие действия орган. Данный порядок регулирования законодатель передал на ведомственный уровень.

В ч. 1 ст. 6 закона об ОРД РФ обратим внимание на закрытый перечень 14 таких мероприятий. В то же время, само их общее понятие в законе отсутствует, что затрудняет формирование и понимание правового статуса такого рода мероприятий.

А вот в ч. 1 ст. 6 закона об ОРД РТ включены 17 видов оперативно-розыскных мероприятий, которые, в основном совпадают с российскими, но есть и уникальное отличие. В Таджикистане правоохранные органы вправе создать юридическое лицо (предприятие, организацию), для «борьбы с организованной преступностью и решения других оперативно-розыскных задач».

Кроме того, в ч. 3 ст. 6 закона об ОРД РТ, в отличие от российского аналога, добавлено перечисление пяти оперативно-розыскных действий. Очевидно, что и у мероприятий и действий есть свои результаты, которые могут различаться, но их необходимо оценивать как общий результат, имеющий определенный правовой статус. Ученые из Академии МВД Республики Таджикистан в этой связи аргументировано признают значительные проблемы на стадиях трансформации результатов ОРД или придания последним статуса доказательств [7, с. 4–5, 32].

Обратим внимание на объективный подход, при котором таджикскими авторами выявлены типичные нарушения, допускаемые оперативными сотрудниками ОВД, стремящимися упростить и ускорить расследование, создавая, как образно выражаются Р. Р. Рахмаджонзода, А. Л. Арипов, Н. М. Самиев, А. М. Махмадализода и М. А. Касимова, «потенциал для служебных неприятностей». Авторы выявили потребность части сотрудников ОВД начать «реальное расследование... в максимальной степени... еще до регистрации дела». При этом сотрудники Академии перечислили наиболее характерные нарушения. Помимо незаконного прослушивания, упоминалось насилие над подозреваемыми для «выбивания» показаний, что применялось для быстрого «получения максимума показаний подозреваемого» предельно быстро [7]. Такого рода результаты ОРД не законны и не могут использоваться в уголовном процессе.

В ст. 11 закона об ОРД как России, так и Таджикистана прослеживается схожесть подходов к регламентации правовых механизмов использования результатов оперативно-розыскной деятельности в судопроизводстве. Такая схожесть подходов прослеживается в основном для обеспечения повода и формирования основания к инициированию уголовного преследования. Впоследствии эти результаты, после их проверки, могут использоваться для формирования доказательной базы.

В этом контексте стоит также указать, что в законодательстве Таджикистана регулирование особенностей применения результатов оперативно-розыскной деятельности более подробно и шире, чем в законодательстве России. В частности, в ч. 5 ст. 11 закона об ОРД РТ обоснованно закреплена обязанность проверки путем допроса лиц, проводивших оперативно-розыскные мероприятия, об условиях их прове-

дения, соблюдения закона и должностных инструкций, а также, что самое важное, о релевантности и подлинности полученных результатов. Полагаем, что придание легального статуса подобной проверке было бы полезно и в российской практике использования этих результатов в уголовном судопроизводстве.

Кроме этого, следует указать на отличие законодательства Таджикистана в установлении обязательного международного сотрудничества в анализируемой сфере применения результатов оперативно-розыскной деятельности (п. 6 ч. 1 ст. 7 закона об ОРД РТ). Вместе с тем, четкий порядок предоставления другим государствам результатов оперативно-розыскной деятельности в законе не прописан, а регламентируется ведомственными актами МВД Республики.

Важным представляется указание ч. 7 ст. 11 анализируемого закона на статус оперативно-розыскных мероприятий, которые были начаты, продолжались и были завершены в разных государствах. Закон Таджикистана относит их к правомерным, при условии его соблюдения. Полагаем, что в приведенных положениях упущено важное дополнение: «а также международных договоров Республики Таджикистан», поскольку такие договоры составляют часть законодательства Республики и применяются в оперативно-розыскной деятельности. В этом смысле российские авторы обоснованно указывают на определенные международно-правовые стандарты оперативно-розыскных мероприятий [4, с. 30].

По законодательству двух государств в перечне оперативно-розыскных мероприятий есть гласные и негласные мероприятия, имеющие одинаковые цели, но разное содержание, а, соответственно, и различный правовой режим практической реализации [6, с. 123].

Например, специальные аспекты оперативно-розыскной деятельности в целом и особенности использования полученных результатов обозначены предписаниями ч. 4 ст. 5 закона Российской Федерации «О государственной тайне». В положениях этого акта результаты оперативно-розыскной деятельности однозначно признаны государственной тайной. Этот специальный статус не вполне согласуется со статусом гласных оперативных мероприятий, чьи результаты исходно не конспирируются.

В рассматриваемых отношениях первенство за законом «О государственной тайне», который определяет режим доступа к результатам оперативно-розыскной деятельности. Следует согласиться с тем,

что успех оперативно-розыскных мероприятий «напрямую зависит от сохранения в тайне сведений о методах, источниках и результатах деятельности» [12, с. 110].

Анализ содержания уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства РФ и Таджикистана демонстрирует тождественность используемых подходов к признакам и дефиниции ««результаты оперативно-розыскной деятельности»». В то же время, российская особенность законодательного регулирования этого вопроса заключается в ссылке на закон о государственной тайне. Однако есть и нюансы.

В частности, понятие «результаты оперативно-розыскной деятельности» в законодательстве Республики Таджикистан не определено, а в УПК РФ, хотя и формально, определено, но не конкретно и не соответствует в полной мере задачам четкой фиксации определяемого понятия, его отграничения от близких и смежных понятий. В результате в российском правоприменении длительное время наблюдалась неопределенность правового положения результатов оперативно-розыскной деятельности, которая была разрешена разъяснениями Конституционного суда Российской Федерации о том, что результаты оперативно-розыскных мероприятий следует считать не доказательствами, а данными об их источниках, которые трансформируются в доказательства лишь после их документального закрепления надлежащим образом [22]. Обратим внимание на то, что в указанном решении термины «результаты оперативно-розыскной деятельности» и «результаты оперативно-розыскных мероприятий» используются как синонимы.

В современной литературе обосновано ставится вопрос об эффективности оперативно-розыскной деятельности [5, с. 81]. При этом делается акцент даже не на самой эффективности процессов (максимальный результат и оперативность при минимальных затратах), а на использовании именно результатов. Для достижения такой эффективности необходима научная междисциплинарная концепция таких результатов. При этом особое значение имеет известность происхождения оперативных сведений, а также возможность их проверки, что является ключевым критерием допустимости использования в уголовном процессе.

В этой связи представляется целесообразным уточнить дефиницию «результаты оперативно-розыскной деятельности» и изложить п. 36.1 ст. 5 УПК РФ в следующей редакции: «36.1 результаты оперативно-ро-

зыскной деятельности — сведения, полученные и задокументированные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности».

Список источников

1. Горбанев В. М., Королев А. С. Особенности понятия результата оперативно-розыскной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2020. № 6. С. 180–184.
2. Губанов М. Н. Право судебных приставов на оперативно-розыскную деятельность // Юридическая наука. 2011. № 4. С. 71–72.
3. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и Комментарии к ней / А. С. Александров и др. М. : Юрлитинформ, 2015.
4. Ивашук В. К. Международно-правовые стандарты в оперативно-розыскной деятельности // Академическая мысль. 2019. № 2(7). С. 23–30.
5. Лучинкин Ф. М. К вопросу об оптимизации порядка использования результатов оперативно-розыскной деятельности в судебном доказывании по уголовному делу // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2023. № 1(15). С. 81–91.
6. Нагиленко Б. Я. О некоторых проблемах законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2008. № 4(9). С. 123–127.
7. Рахмаджонзода Р. Р., Арипов А. Л., Самиев Н. М. и др. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе Республики Таджикистан: науч.-практ. пособие. Душанбе : Эр-Граф, 2019.
8. Родичев М. Л. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности: современные проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3. С. 162–169.
9. Семенцов В. А., Дзабиев У. К. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 161–165.
10. Семенцов В. А., Рудакова С. В. Современные проблемы обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2. С. 33–42.

11. Семенцов В. А. Коррупционные риски и нарушения закона в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: мат. междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. / отв. ред. В. А. Семенцов. Ч. 2. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2024. С. 170–180.

12. Сидоренко А. В., Масленников К. И. Сущность и виды результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2(90). С. 110–117.

13. Сыромолотов В. Б. Понятие конспирации в оперативно-розыскной деятельности // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 270–275.

14. Челохсаев О. З. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина и его реализация в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

15. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия. М. : Изд-во Шумиловой И.И., 2004.

16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29 мая 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

17. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (с изм. и доп. по сост. на 3 января 2024 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12. Ст. 816.

18. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

19. Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп. по сост. на 18 июля 2017 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. № 3. Ст. 155.

20. Приказ МВД РФ от 1 февраля 2018 г. № 50 (ред. от 30 января 2023 г.) «Об утверждении порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // URL://www.pravo.gov.ru.

21. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 2810-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Давлетова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьями 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

22. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 1076-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Сергея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также частью четвертой статьи 11 и статьей 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Gorbanev V. M., Korolev A. S. Features of the concept of the result of operational investigative activity // Gaps in Russian legislation. Law journal. 2020. No. 6. P. 180–184.

2. Gubanov M. N. The right of bailiffs to operational investigative activities // Yuridicheskaya nauka. 2011. No. 4. P. 71–72.

3. The doctrinal model of criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and Comments on it / A. S. Alexandrov et al. M. : Yurlitinform, 2015.

4. Ivashchuk V. K. International legal standards in operational investigative activities// Academic thought. 2019. No. 2(7). P. 23–30.

5. Luchinkin F. M. On the issue of optimizing the procedure for using the results of operational investigative activities in judicial evidence in a criminal case // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2023. No. 1(15). P. 81–91.

6. Nagilenko B. Ya. On some problems of legislative regulation of operational investigative activities // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 4(9). P. 123–127.

7. Rakhmajonzoda R. R., Aripov A. L., Samiev N. M. and others. The use of the results of operational investigative activities in the criminal process of the Republic of Tajikistan: scientific and practical. stipend. Dushanbe : Er-Graf, 2019.

8. Rodichev M. L. Using the results of operational investigative activities: modern problems and prospects // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3. P. 162–169.

9. Sementsov V. A., Dzabiev U. K. The use of the results of operational investigative activities in pre-trial proceedings // Humanities, socio-economic and social sciences. 2018. No. 6. P. 161–165.

10. Sementsov V. A., Rudakova S. V. Modern problems of appeal in domestic criminal proceedings //

Legal Bulletin of the Kuban State University. 2021. No. 2. P. 33–42.

11. Sementsov V. A. Corruption risks and violations of the law at the stage of initiation of a criminal case // Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure and anti-corruption activities: mat. international scientific and practical conference. In 2 hours / ed. V. A. Sementsov. Part 2. Krasnodar : Kuban State University, 2024. P. 170–180.

12. Sidorenko A. V., Maslennikov K. I. The essence and types of results of operational investigative activities // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2(90). P. 110–117.

13. Syromolotov V. B. The concept of conspiracy in operational investigative activities // Civil service and personnel. 2024. No. 1. P. 270–275.

14. Chelokhsaev O. Z. The principle of protection of human and civil rights and freedoms and its implementation in criminal proceedings: abstract. diss. ... cand. jurid. sciences. M., 2017.

15. Shumilov A. Yu. Operational search encyclopedia. M. : Publishing house of Shumilova I.I., 2004.

16. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (ed. dated May 29, 2024) // CL RF. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

17. The Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan dated December 3, 2009 No. 564 (with amendments and additions as of January 3, 2024) // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan. 2009. No. 12. Art. 816.

18. Federal Law «On Operational investigative activities» dated August 12, 1995 No. 144-FZ (as amended on December 29, 2022) // CL RF. 1995. No. 33. Art. 3349.

19. Law of the Republic of Tajikistan dated March 25, 2011 No. 687 «On operational investigative activities» (with amendments and additions according to comp. on July 18, 2017) // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan. 2011. No. 3. Art. 155.

20. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated February 1, 2018 No. 50 (ed. dated January 30, 2023) «On approval of the procedure for organizing service in the internal Affairs bodies of the Russian Federation» // URL://www.pravo.gov.ru.

21. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 19, 2017 No. 2810-O «On the refusal to accept for consideration the complaints of citizen Andrey Yuryevich Davletov for violation of his constitutional rights by Article 89 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

22. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 30, 2023 No. 1076-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ivanov Sergey Vyacheslavovich for violation of his Constitutional Rights by Parts One and Two of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as Part Four of Article 11 and Article 15 of the Federal Law «On Operational Investigative activities» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

В. А. Семенцов — профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани;

И. А. Одиназода — докторант кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, Академия МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. A. Sementsov — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Kuban State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Kuban;

I. A. Odinzoda — Doctoral Candidate of the Department of Criminal Procedure of the Kuban State University, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов

В. А. Семенцов — научное консультирование; концепция исследования; подготовка публикации;

И. А. Одиназода — написание исходного текста; подготовка публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

V. A. Sementsov — Scientific Consulting; Research Concept; Publication Preparation;

I. A. Odinzoda — Writing The Source Text; Preparing The Publication.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 21.07.2024; принята к публикации 14.08.2024. The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 21.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.